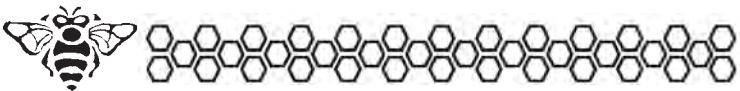

STUDIA PHILOLOGICA

SERIES MINOR

В. А. МИЛОВИДОВ

«УЛИЦА КОРЧИТСЯ
БЕЗЪЯЗЫКАЯ...»

МЕТАЛИНГВИСТИКА
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2024

УДК 81:1
ББК 81в
М60

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
русской литературы XX века и зарубежной литературы
Воронежского государственного педагогического университета
Т. Г. Струкова

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ
В. И. Тюпа

Миловидов В. А.

М60 «Улица корчится безъязыкая...». Металингвистика повседневности: монография. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. — 176 с.

ISBN 978-5-907498-69-3

В монографии с позиций лингвокультурологии, лингвистики и литературоведения рассматривается базовая для философии и культурологии XX и XXI веков проблема повседневности. Предназначается для специалистов-филологов, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной культуры, философии и филологии.

УДК 81:1
ББК 81в

*В оформлении переплета использована
картина И. Е. Репина «Большевики», 1918*

ISBN 978-5-907498-69-3

9 785907 498693 >

© Миловидов В. А., 2024
© Издательский Дом ЯСК, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. Онто(антропо)логия повседневности	13
1.1. Металингвистика как методология изучения повседневности: от «речи, погруженной в жизнь» к «жизни, погруженной в речь»	13
1.2. Онтология повседневности	17
1.3. Антропология повседневности	20
1.4. Повседневность и эффекты превращенной формы ...	34
1.5. Реверсивная трансценденция: Лукиан из Самосаты и «Тайны звезд»	37
Глава 2. Лингвистика повседневности	45
2.1. Лингвосемиотика повседневности	45
2.2. Лингвистика повседневности: предикативность вне предиката.	56
2.3. Десемиотизация повседневности в высказывании ...	63
2.4. Повседневность и глобальная структура дискурса ...	66
2.5. Лингвистика повседневности. Время как безвременье.	69
2.6. Повседневность и модальность. Высказывание без «души»	73
2.7. Дейксис повседневности: «ты» и «вы»	76
Глава 3. Повседневность и текст	81
3.1. Дискурсивная формация и реляционность повседневности	81
3.2. Поэтический синтаксис и повседневность	90
3.3. Повседневность и презумпция текстуальности	96

Глава 4. Нарративы повседневности и повседневность в нарративе.	105
4.1. Нарратив и повседневность	105
4.2. Повседневность и нарратив	108
4.3. Повседневность как референциальная иллюзия	114
4.4. Повседневность как метанарративная инстанция в интермедиальном тексте	121
Глава 5. Повседневность в натурализме	129
5.1. Образ повседневности	129
5.2. Повседневность и натурализм	137
5.3. Поэтика зооморфизма в натурализме	149
5.4. Повседневность и эрос в натурализме	155
5.5. Скатологическая образность в натурализме.	159
Заключение	163
Литература	166

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление научных концепций мотивировано двумя факторами. С одной стороны, есть внутренняя логика научной дисциплины, которая предполагает имманентное развитие конкретной предметной сферы: концепции меняют друг друга, при этом каждая новая концепция становится одновременно и освоением, и преодолением старых. С другой стороны, даже самая специализированная научная идея часто появляется лишь тогда, когда созревают внешние по отношению к науке условия, которые, как иногда кажется, не имеют никакого отношения к цеховым проблемам научной дисциплины. И в этом случае научная концепция — косвенно — может содержать ответ на вопросы, сформулированные за пределами научной сферы.

Возможно ли было появление общей и специальной теории относительности, если бы не идейный и нравственный кризис, который охватил просвещенный мир после открытий Ч. Дарвина, сотрясал его долгие десятилетия второй половины XIX века и определил духовный климат века XX? А стали бы эти открытия столь значительным фактором развития наук, в том числе и наук о природе, если бы тот же просвещенный мир не начал строительство того, что называется гражданским обществом? Конечно, и дарвинизм, и теория относительности с ее выходами в гуманитарную сферу (допустим, гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа, теория дискурса), могли бы появиться благодаря усилиям ученых и в рамках того старого доброго авторитарного в основе своей мира, который удовлетворялся теоцентрической моделью бытия. Но именно крах авторитаризма в политике и сфере духа, формирование на его обломках новой

атеистической и персоналистской идеологии как духовного референта гражданского общества и был в конечном итоге тем соусом, который сделал названные научные концепции и гипотезы приемлемыми — и для ученых, и для широкой публики.

Обострившийся в гуманитарных науках XX века интерес к проблеме повседневности также может быть выведен из данного вненаучного контекста, и этим контекстом объяснен.

Конечно, повседневность была открыта не в XX веке. Она сопровождала человека всегда, во *все дни* его существования на нашей планете — на то она и по-*все-днев-*ность. Но проблематизация повседневности как объекта специализированных, научных размышлений, а также ее понимание пришло относительно недавно. Почему?

Мы всё понимаем в сравнении — эта расхожая мысль, ставшая, в частности, основой теории оппозиций как методологического контекста ряда продуктивных исследовательских методик, позволяет увидеть и суть повседневности — но не в ее имманентных свойствах, а в соотношении с тем, что повседневностью не является. А это «нечто», ставшее по отношению к повседневности вторым членом оппозиции, было проблематизировано, объективировано и осознано тоже относительно недавно — как раз после открытий Ч. Дарвина, и именно в том контексте, о котором сказано выше.

Чему противостоит повседневность и что является вторым членом оппозиции, через сопоставление с которым мы только и можем выявить ее сущностные характеристики? Об этом тоже пойдет разговор в нашей книжке. Сейчас же ограничимся следующими предварительными замечаниями.

Повседневность — новая реальность, с которой столкнулась мировая мысль во второй половине XIX века. Дарвинизм нанес мощный удар по креационистской идеологии, крайне комфортной для человека, который на протяжении многих веков надеялся с помощью создателя (создателей) решить свою главную личную проблему — если не физически, то хотя бы духовно — победить смерть и сохраниться в вечности. Рухнула стройная, монументальная в своей архитектонике,

величественная картина мира. И что открылось европейцу, пережившему этот удар? А именно то, что М. Хайдеггер называл «беспочвенность и ничтожество несобственной повседневности» [Хайдеггер 1997: 178]. Что европейец почувствовал? «Приступ тошноты, скуки и т. д. разоблачит нам это бытие в его непосредственности...» [Сартр 2000: 23]. Тошнота, скука, а еще ощущение собственного «несобственного» ничтожества — после многих веков, на протяжении которых человек, созданный по образу и подобию Господа, надеялся, что эта метафора в конечном счете обратится метонимией! Увы, не обратилась...

Это сложное ощущение скуки, тошноты и собственного ничтожества стало в том числе и результатом атомизации общества, разрушения традиционных связей, свойственных теоцентрической и авторитарно-тоталитарной системе духовной и политической жизни. Кстати, именно политические события отождествляет с этапами духовной деградации страны Г. Флорбер: «1789 год сокрушил королевскую власть, 1820 — буржуазию, 1851 — народ. Не осталось ничего, кроме тупой и подлой черни» [Флорбер 1984: 317]. Ощущение распада общественных, духовных связей и было важнейшей мировоззренческой предпосылкой тотального проникновения повседневности в культуру во второй половине XIX века. Поскольку ставший «чернью» человек как главный объект и субъект культуры перестал ощущать себя «совокупностью общественных отношений» (или духовных, если мы ведем речь в том числе и о религиозном кризисе), то единственной сферой, которая осталась ему доступной, была сфера его повседневного бытия, — быта (это важно!), регулярных, повседневных, здесь и сейчас совершаемых, почти механических действий, утративших большую часть смысла — кроме смысла поддержания своего жалкого существования. Понятно, что эта общая картина в конкретных исторических условиях подвергалась уточнению и детализации (допустим, восстановление религиозного пафоса в рамках культурных процессов, протекавших в России, строившей коммунизм как аналог «Царствия Божия» на Земле, или события двух мировых войн, которые

существенно видоизменили духовный климат Европы и всего мира), но общая тенденция была именно такова.

Кстати, и современный исследователь испытывает по поводу повседневности те же чувства, что переживали великие философы прошлого века. Но у научных штудий есть одна особенность: они объективируют свой предмет, делают его экстерриториальным по отношению к самому исследователю; и, как бы ни терзала душу (душу как интрасубъектный формат когнитивно-аффективно-перцептивной способности человека в противовес духу как ее интерсубъектному формату) современного исследователя повседневность, будучи взятой в скобки научного анализа и вынесенной вовне, она утрачивает над ним свою власть.

Феномен повседневности описан в значительном количестве работ; см., например, обстоятельный анализ основных отечественных и зарубежных исследований повседневности, данный Т. Г. Струковой в монографии [Струкова 2023], в коллективной монографии [Струкова и др. 2013]. К изучению повседневности обращен, как принято ныне говорить, проект «Гуманитарные аспекты повседневности», реализуемый в течение ряда лет междисциплинарной исследовательской группой под руководством Т. Г. Струковой на базе Воронежского государственного педагогического университета. Настоящая монография и статьи ее автора, включенные в ежегодные издания публикаций членов группы, есть его посильный вклад в разработку этой проблемы.

Преодолению ощущения ничтожества, а также тошноты и скуки, вызванных засильем повседневности как причиной крайне дискомфортного состояния человека и культуры, отдают все свои силы искусство и философия второй половины XIX–XX века. Но, поскольку этим усилиям также посвящено множество исследований (в том числе тех, где само слово *повседневность* используется не терминологически и проходит по маргиналиям научных работ, хотя посвящены последние именно ей), на всех аспектах этой проблемы мы останавливаться не станем. Нас интересуют три главных, на наш взгляд, и взаимосвязанных вопроса изучения повседневности.

Первый вопрос — это сама онтология повседневности, которая, как показывает опыт ее изучения, постоянно ускользает от исследователя. Второй вопрос, рассмотрение которого, на наш взгляд, позволит решить и первый, — это связь повседневности с языком. И третий вопрос, системно связанный с первыми двумя, — это отражение повседневности в Текстах Культуры.

Поэтому в настоящей работе принят интегративный подход, сочетающий в себе методики философского, а точнее, философско-антропологического анализа, а также методики, принятые в лингвистике и литературоведении. Поскольку философия, особенно в XX веке, оказалась тесно связана с лингвистикой (аналитическая философия), а лингвистика и литературоведение переживают антропоцентрический сдвиг, то автор не уверен, что способен определить, где проходят демаркационные линии, разделяющие данные дисциплины, поэтому в рассмотрении феномена повседневности он решил укрыться за термином «металингвистика».

ГЛАВА 1

ОНТО(АНТРОПО)ЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

1.1. Металингвистика как методология изучения повседневности: от «речи, погруженной в жизнь» к «жизни, погруженной в речь»

Методологической основой настоящей работы объявлена металингвистика. Почему не методология, скажем, анализа дискурса? Ведь исследования дискурса — наиболее популярная страница в современной культурологии. Разработаны и на значительном по объему и характеру материале апробированы исследовательские методики, позволяющие изучать культурные феномены в их реальном формате — в связи Слова и Жизни. Более того, поскольку повседневность как факт действительности будет рассматриваться в связке с проблемами языка, да еще и на материале разнообразных текстов, то именно анализ дискурса способен вскрыть и описать особенности этой связи. Что такое дискурс как не «речь, погруженная в жизнь» и почему теория дискурса не может стать методологической основой анализа повседневности?

Может, но не во всех аспектах бытования повседневности. Онтологию повседневности, как мы предполагаем, нельзя полностью описать в рамках теории дискурса. Здесь на помощь нам придет металингвистика.

Правда, следует сделать небольшую терминоведческую оговорку.

Термин «металингвистика» вошел в мировую и отечественную гуманитаристику в середине XX века. Металинг-

вистический подход к изучению языковых и литературных явлений был использован, в частности, М. М. Бахтиным, у которого этот термин встречается в работах 1950–1960-х годов («Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» и «Проблемы поэтики Достоевского»). С его помощью ученый описывает специфику диалогических отношений, в том числе и диалогических отношений «говорящего к собственному слову»: «Диалогические отношения (в том числе и диалогические отношения говорящего к собственному слову) — предмет металингвистики» [Бахтин 1979: 211]. И чуть раньше: металингвистика изучает «...слово, то есть язык в его конкретной и живой целокупности» [Там же: 210], иначе — в коммуникации, осуществляемой людьми.

Современные исследователи говорят о понятийно-терминологической прозорливости великого ученого, который, при отсутствии в аппарате тогдашней науки адекватного термина (дискурс), использует понятие «металингвистика» при анализе важнейших характеристик литературно-художественного дискурса [Тюпа 2011].

Вместе с тем, на наш взгляд, изначальный смысл этого термина — в то время, как он вошел в филологию и лингвистику, — несколько шире того смысла, который вкладывал в него М. М. Бахтин.

Б. Л. Уорф впервые использовал термин «металингвистика» в статьях 1940–1941 годов, вошедших впоследствии в сборник «Избранные статьи по металингвистике» Американского института международных отношений, см.: [Worf 1952]. Позднее этот термин широко использовали американские лингвисты в работах по вопросам преподавания иностранного языка.

Металингвистика в американской науке 1940-х годов была, с одной стороны, реакцией на дескриптивизм Л. Блумфилда и его коллег, стремившихся к формальному описанию языковых фактов вне их содержательной составляющей, вне соотнесенности с культурным и иными контекстами — такова методологическая установка американского варианта лингвистического структурализма. С другой стороны, в американской науке были сильны и, сказали бы мы, пользуясь современной

терминологией, лингвокультурологические традиции в их этнолингвистическом варианте. Учитывая важность этих традиций и, вероятно, желая вернуть лингвистике ее связь с культурой (чего требует уже простой здравый смысл), один из комментаторов работ Б. Л. Уорфа, Дж. Трагер, писал о металингвистике: «...она предполагает изучение отношений языковой системы с целостной системой культуры... Металингвистика включает разнообразные факты, традиционно относимые к этнолингвистике, но не только к ней. Она изучает не только то, О ЧЕМ говорят люди и ПОЧЕМУ, но и то, КАК они используют систему языка и как реагируют на использование ее другими людьми. Далее, это ведет нас к рассмотрению того, как языковая система оказывает воздействие на наше поведение, как сознательное, так и бессознательное, а также мировоззрение говорящего, управляя взаимодействиями между индивидуумами и группами» [Trager, Smith 1957: 81–82].

Если *О ЧЕМ* и *ПОЧЕМУ*, а также *КАК* в первом аспекте в этом определении полностью соотносятся с современным «проектом» дискурсологии и тем смыслом, который в понятие металингвистики вкладывал М. М. Бахтин, то во втором своем аспекте союз *КАК* вносит в это определение важный акцент: там, где речь идет о воздействии языка на формирование мировоззрения, сказывается влияние принадлежащей Б. Л. Уорфу (в соавторстве с Э. Сэпиром) гипотезы лингвистической относительности, которая, вырастая из этнолингвистики, вступает в противоречие с традициями Л. Блумфилда и предполагает вектор соотношения языка и культуры, обратный актуализируемому в современной дискурсологии — не от культуры к языку, а от языка к культуре.

Именно в этом пункте металингвистика может быть разведена с дискурсологией. Если дискурс, как всем известно, есть «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136] (см. также многочисленные определения дискурса в обстоятельном обзоре [Карасик 2002: 273–284]), и основное внимание в анализе дискурса обращено на рассмотрение того, как жизнь оказывает воздействие на процедуры речепроизводства и речепотребления, то второй (более нас интересующий) предмет

металингвистики, если следовать приведенному выше определению Дж. Трагера, есть изучение «жизни, погруженной в речь», иначе — того, как язык, языковая система формируют наше мировоззрение, нашу картину мира и, соответственно, ее составляющие, одной из которых является повседневность. В этом пункте определение металингвистики, данное Дж. Трагером, полностью соответствует пафосу базовых работ Б. Л. Уорфа по проблеме лингвистической оносительности и, в частности, статей «Отношение обыденного сознания и поведения к языку» и «Модель мира в сознании американского индейца» [Worf 1952: 25–72], включенных в известный М. М. Бахтину сборник работ американского исследователя.

К повседневности это имеет тем большее отношение, что повседневность, ее понимание и осмысливание (точнее, наше ее непонимание и наша неспособность ее осмыслить) напрямую связаны с языком, который для повседневности станет инструментом описания, то есть метаязыком. В этом своем смысле термин «металингвистика» восходит и к традициям аналитической философии; в частности, понятием «метаязык» пользовался А. Тарский [Тарский 1998: 101–103], и именно на эту традицию опирался Р. О. Якобсон, когда создавал свою типологию функций языка, куда была включена функция метаязыковая [Якобсон 1975: 201–202]. Метаязыковая функция, как известно, есть, по Р. О. Якобсону, функция, реализуя которую, метаязык как инструмент описания работает с объектным языком — своим предметом. Учет такого рода отношений между двумя языками актуален, прежде всего, для лингвиста, который должен иметь некий специализированный язык для описания языка как объекта собственных штудий. Но, по аналогии, под метаязыком с тех пор понимают и язык описания не только в лингвистических работах: можно говорить о метаязыке физики, метаязыке биологической науки, иными словами, о понятийно-терминологической системе и способах речепроизводства, принятых в той или иной дисциплине — метаязык этих наук, если следовать идеям Б. Уорфа, и создает их объект. Поэтому метаязык и имплицитруемая таким образом металингвистика как термины получают